

САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
SAMARA UNIVERSITY

федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева»

ул. Московское шоссе, д. 34, г. Самара, 443086
Тел.: +7 (846) 335-18-26, факс: +7 (846) 335-18-36
Сайт: www.ssau.ru, e-mail: ssau@ssau.ru
ОКПО 02068410, ОГРН 1026301168310,
ИНН 6316000632, КПП 631601001

№ _____

На № _____

от _____

В объединённый диссертационный
совет Д 999.126.03, созданный на базе
**ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет»,
ФГАОУ ВО «Новосибирский
национальный исследовательский
государственный университет»,
ФГАОУ ВО «Дальневосточный
федеральный университет»**

690922, г. Владивосток,
о. Русский, п. Аякс, кампус ДВФУ,
корпус 20, каб. В 728

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

(кандидата юридических наук, доцента Поварова Юрия Сергеевича)

на диссертацию Мосина Владимира Александровича

на тему «Недействительность решений

органов управления корпораций»,

представленную на соискание учёной степени

кандидата юридических наук

по специальности 12.00.03 – гражданское право;

предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Ключевую юридико-фактическую роль в процессе функционирования корпоративных организаций играет принятие их органами управления решений, способных прямо или косвенно вызывать разноплановые правовые эффекты как для корпорации и её участников, так и для третьих лиц. Между тем, многие аспекты относительно сущности, порядка принятия и оформления, а равно недействительности актов, исходящих от органов юридического лица (в частности, по поводу правомерности и пределов использования «сделочного» инструментария, набора и качественной характеристики оснований и условий инвалидации решений собраний и «исцеления» дефектных корпоративных актов, «синхронности» режимов решений правосубъектных и неправосубъектных гражданско-правовых сообществ), являются мало разработанными в науке и (или) полемичными. Сказанное, имея также в виду, что «...в числе ежегодно увеличивающихся корпоративных конфликтов растёт и количество споров об обжаловании решений органов управления корпораций» (с. 3 диссертации) и что существующему сегодня нормативному «полю» на данный счёт по-прежнему свойственны некоторая фрагментарность (порою – пробельность) и содержательная «асимметричность», непрерываемо свидетельствует о перспективности и **актуальности** научных изы-

сканий, посвящённых комплексному анализу института недействительности решений органов управления организаций с корпоративным устройством (невзирая на наличие монографических и иных работ, где так или иначе обсуждаются затрагиваемые в диссертации тематические ракурсы).

Не существует каких-либо причин усомниться в **научной новизне** диссертационного труда В.А. Мосина. Его новаторский характер в значительной мере предопределяется выведением и последовательным применением концепта своеобразия правовой природы решений органов управления корпораций, а также изучением такого рода решений в приложении ко всем корпорациям (вне зависимости от их организационно-правовых форм, принадлежности к коммерческим или некоммерческим организациям), что позволяет вскрыть общие и уникальные свойства недействительных корпоративных актов разных юридических лиц и, тем самым, оптимизировать «разрозненное» нормирование (посредством разработки типовых схем, допускающих отступления от них). Оригинальными (и в основной своей массе – достойными одобрения) являются авторские теоретические выводы, а равно многочисленные рекомендации по совершенствованию гражданского законодательства. При этом научные положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации по результатам всестороннего исследования нормативных (включая иностранные) и доктринальных источников, а также репрезентативной судебной практики, являются **достоверными** и, по преимуществу, отличаются **высокой степенью обоснованности**.

Структурирование материала обеспечивает системное, достаточно полное и поступательное (в том числе, по принципу «от общего – к частному») раскрытие многогранной проблематики в её неразрывном единстве, а потому должно быть оценено весьма положительно. В свете поставленных диссертантом, с учётом избранной проблематики, целей и задач работы (с. 6-7) методологически оправданным и крайне значимым оказывается обращение, прежде всего, к базисным тематическим аспектам – сущности и общей характеристике органов управления корпорации и принимаемых данными структурными образованиями решений (*глава первая*).

Ясно обозначив собственное видение понятия «правовая природа» при изучении юридических феноменов (с. 14), автор довольно скрупулезно и системно разбирает «корневые» вопросы касаясь правовой природы органов юридической личности – о допустимости их квалификации в качестве участников гражданских и (или) корпоративных правовых связей (последнее – особенно актуально, принимая в расчёт дискуссионность вопроса об отраслевой принадлежности корпоративного права), а равно как представителей организации (с. 14 и далее). Высокий уровень верифицированности положений этой части научного труда обеспечивается благодаря аналитическому разбору доктринальных подходов, представленных в науке начиная с дореволюционной цивилистики, акцентированию внимания не только на материальной, а и на процессуальной стороне вопроса (ибо известно, что «отчасти причиной, послужившей формированию ... позиции [интерпретации органа как представителя. – Ю.П.]... мог являться ... ГПК РСФСР 1923 года, который относил к представительству в гражданском процессе действие юридического лица через свои органы...» – с. 16 работы), изучению «метаморфоз» новеллирования гражданского законодательства в последние годы (как

верно замечает автор, «импульсом для развития «представительской теории органа ... послужило изложение п. 1 ст. 53 ГК РФ в новой редакции...» – с. 20). В итоге соискатель солидаризируется с приобретшим широкую «популярность» концептом, при котором орган юридического лица, не обладая автономной правосубъектностью, не может быть признан участником гражданских (включая корпоративные) правоотношений, а значит и представителем юридического лица (с. 19, 21 и др.) (что, однако, не служит, по мысли диссертанта, «...препятствием для применения к органам юридического лица некоторых норм, направленных на воспрепятствование недобросовестным действиям классических представителей...»¹, – с. 26); при этом, конечно, неправомерно отождествлять орган с конкретными физическими и (или) юридическими лицами, из которых он состоит (с. 19-20).

Важным для раскрытия природы органа юридического лица стали выявление и краткий анализ его специфических признаков – особый порядок формирования состава, наличие определенных полномочий, «нешаблонность» выражения воли и пр. (с. 22 и далее); укажем, среди прочего, на обоснованность выделения т.н. «регистрационного» порядка (наряду с избранием и назначением) образования органов (с. 22), отнесения полномочий к компонентам компетенции (с. 24). Убедительными и безукоризненными кажутся и ремарки по поводу того, что «конструкция органа ... служит целям упрощения и упорядочения правового регулирования отношений по управлению юридическим лицом» и что орган, будучи неправосубъектным образованием (частью юридического лица), оказывается своеобразным «...промежуточным элементом ... между конкретным лицом, участвующим в управлении и контроле, и самой организацией» (с. 26-27).

Размышляя относительно собственно органов управления корпорации, В.А. Мосин, в частности, заключает об отсутствии оснований для отнесения к органам арбитражного управляющего и ликвидационной комиссии (с. 27) (последнее заявление, правда, представляется полемичным), глубоко погружается в проблематику разграничения органов управления и контроля, небеспочвенно подчёркивая, что «...в основе деления ... лежит *принципиальное* [здесь и далее курсив в цитатах наш. – Ю.П.] различие в их компетенции» (это, в свою очередь, детерминирует, с точки зрения соискателя, сближение ревизионной комиссии с т.н. «вспомогательными образованиями» и некорректность её легальной квалификации как органа юридического лица) (см. с. 30-31).

Продуктивным и грамотным стоит признать изучение юридико-фактического «статуса» решения органа управления корпорации как результата формирования её воли (с. 31 и далее; 1-ое положение, выносимое на защиту). Автор последовательно разбирает достоинства и недостатки основных подходов по затронутой проблеме («сделочная» концепция и т.д.), попутно, помимо прочего, высказывая верное суждение о том, что «...возможность неоднократного применения и неограниченный срок действия устава или внутренних документов

¹ Попутно укажем, что этот оправданный по существу вывод делается автором, в том числе, со ссылкой на известные разъяснения, содержащиеся в п. 121 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25; вместе с тем, диссертантом не акцентируется внимание на том, что данная позиция была выработана в контексте «представительской» теории органа юридического лица, которой недолгое время придерживался *законодатель*.

юридического лица не придают им *нормативно-правовой* характер» (с. 34) (вместе с тем, работа, думается, только бы выиграла, если бы автор более детально осветил регулятивную «ипостась» решений органов). Резюмирующим становится обоснованный вывод об особом месте решений органов юридического лица в системе гражданско-правовых фактов (с. 36 и др.). Удачным и уместным представляется раскрытие целого ряда особых признаков такого рода корпоративных актов (порождение различных правовых последствий, причём не только в области динамики правоотношений (с. 36-37), распознаваемость процесса волеобразования (с. 37), основополагающая роль соблюдения правил о компетенции и кворуме (с. 38-39), атрибутивный по отношению к юридическому лицу характер решения органа (с. 40) и пр.)). Согласимся и с универсальностью института решений органов управления юридического лица (приложимостью многих его постулатов и к корпоративным, и к унитарным организациям, причём как в коммерческом, так и в некоммерческом секторе (см. с. 42 и др.; в последующем, кстати, автор не раз возвращается к данному краеугольному моменту – см. с. 130 и пр.)), по причине чего «...в перечне юридических фактов ... решения всех органов юридического лица должны быть объединены в рамках одной группы» (с. 49) и, действительно, «...является оправданным развитие отечественного гражданского законодательства по пути *унификации* правового регулирования статуса корпораций...» (с. 54). Отрадно, что приведённые и смежные с ними положения обсуждаются и в сравнительно-правовом ключе (так, разбирая соответствующую источниковую базу некоторых зарубежных стран – Австрии, Германии, Италии, Нидерландов, Чехии, Швейцарии и пр., автор, демонстрируя эрудицию, замечает, что нередко «...имеет место объединение правового регулирования недействительности решений органов коммерческих и некоммерческих корпораций» (с. 53)).

Несомненную актуальность составляет раздел, посвящённый исследованию института решений собраний участников гражданско-правовых сообществ (с. 42 и далее). Отталкиваясь от наличия серьёзных различий между решениями собраний, принимаемых в рамках правосубъектных и неправосубъектных образований (с позиции формирования собственной воли или воли другого субъекта права, «суверенности» сообществ, субъектной направленности правовых последствий и т.д.), автор приходит к выводу о недопустимости причисления решений органов юридического лица к решениям собраний гражданско-правовых сообществ, при том, что такой подход «...влечет за собой «неслаженность» ... правового института гражданско-правового сообщества, а также ряд проблемных аспектов правоприменения» (см. с. 44, 47, 49 и др.; 1-ое положение, выносимое на защиту). Органичным продолжением данного умозаключения становится предложение о «внедрении» в гражданско-правовую кодификационный акт статьи, включающей общие правила по поводу принятия решения органом юридического лица (с. 54-55).

Всестороннее и пристальное изучение «общей части» института недействительности решений органов управления корпораций (*глава вторая*) предваряется точной сентенцией о необходимости рассмотрения правоотношений по поводу такой недействительности как охранительных (с. 56) и системной фиксацией соответствующей «разветвлённой» нормативно-правовой базы (обратим при

этом внимание на некорректность фразы «ГК РФ и федеральные законы» (см. с. 56, 57), ибо ГК РФ есть федеральный закон, пусть и особый – с присущим ему приоритетом перед *иными* федеральными законами), для которой, в самом деле, характерна «слабость» и «разрозненность» регламентации интересующих нас вопросов (с. 80-81). Оценивая легальную двухзвенную рубрикацию недействительных решений на ничтожные и оспоримые (что, кстати, свойственно и некоторым иностранным правовым порядкам, на что справедливо указывает автор) и размышляя об их сущности, диссертант, в том числе, убедительно доказывает, что «...методологически неверно при изучении недействительности решений органов управления корпораций исключать доктрину о недействительности сделок» (с. 61) (невзирая на сущностную разнородность решений собраний и сделок), что «недействительность решения ... может быть определена как отсутствие у такого решения юридической силы...» (с. 61), что «...не следует отрицать за ничтожным решением свойства юридического факта...» (с. 63), что нецелесообразно «...отождествлять ничтожное решение и несовершенное решение» (с. 64) (хотя безапелляционная квалификация не оформленного письменно решения как несостоявшегося кажется неаприорной). Здравым и гармоничным полагаем единый подход (безотносительно к виду порочности) к определению момента, с которого решение собрания считается недействительным (момент принятия): «то обстоятельство, что решение является недействительным с момента его принятия, – как резонно отмечает автор, – подчеркивает характеристику самого решения» (с. 65).

Весьма позитивно стоит отреагировать на детальный разбор судебного и внесудебного (внутрикорпоративного) порядка оспаривания решений (последний свойственен лишь некоторым корпорациям) (с. 66 и далее). Согласимся, в частности, с квалификацией иска об оспаривании решения органа управления корпорации как преобразовательного иска (с. 68), а иска о признании недействительным ничтожного решения – как установительного (с. 69); разумными и ценными считаем заключения о том, что «внесудебный порядок обжалования не является административной или квазисудебной процедурой» и что он «...может рассматриваться как достаточно эффективный альтернативный способ защиты заинтересованным лицом своих прав и интересов...» (с. 73), причём явно недооценённый законодателем (ибо, по справедливой мысли автора, он мог бы стать «...хорошим инструментом для урегулирования корпоративных конфликтов внутри самой корпорации...», - с. 74). Сообразно сказанному, полезными и рациональными представляются авторские рекомендации по совершенствованию законодательства в части нормирования внутрикорпоративного порядка оспаривания решений органов корпоративного юридического лица (с закреплением существа спора (отмена, а не недействительность решения), с установлением права сторон прибегнуть к судебному порядку защиты и т.д.) (с. 81-82).

Повышенный интерес вызывает обсуждение на достаточно высоком теоретическом уровне сложной проблематики касательно последствий недействительности решений органов юридических лиц корпоративного типа (с. 75 и далее). Естественно, «отсутствие в ... законодательстве четкой регламентации ... нельзя рассматривать как обстоятельство, свидетельствующее о том, что недействительность решения не влечет за собой каких-либо последствий» (с. 76). Результатом тщательной таксономической работы (см. с. 78-83) становится в целом при-

емлемая группировка последствий абсолютной или относительной дефектности корпоративных актов (невозникновение прав и обязанностей, необходимость возврата исполнения, появление предпосылок для оспаривания других юридических фактов и др.) (с. 80; 7-ое положение, выносимое на защиту); законодательное воплощение предложений автора на данный счёт (с. 82-83), бесспорно, снимет с повестки дня многие не получившие однозначного решения в правоприменительной деятельности вопросы.

Специальный раздел диссертационного сочинения охватывает проблематику определения круга лиц, имеющих право на обжалование решений органов управления корпораций (с. 83 и далее; 2-ое и 4-ое положения, выносимые на защиту). В «авангарде» названных субъектов, несомненно, – участники корпорации, хотя их возможности в части обжалования корпоративных актов, разумеется, не безграничны (о чём, по истинному замечанию автора, «сигнализирует» п. 1 ст. 65.2 ГК РФ – см. с. 84); в этом русле осмысленным видится вывод о том, что «...будет правильным ограничить право на обжалование решений тем участникам..., которые не участвовали в собрании по своей воле и не имели каких-либо препятствий для участия в нем» (с. 87). Весомым, сверх того, стал обзор проблем, сопряженных с наличием статуса участника на момент принятия решения и (или) подачи иска как предпосылке существования права на обжалование (с. 88 и далее): общая установка, в соответствии с которой «...решение ... может быть оспорено только участником корпорации, который обладал этим статусом непрерывно с момента принятия ... решения ... и до момента вынесения судом решения» (с. 91), одновременно имея в виду присутствие отдельных исключений из данного правила (универсальное правопреемство при наследовании доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, спор по поводу действительной стоимости доли между организацией и бывшим участником и т.д.), представляется вполне сбалансированным решением вопроса (из формулировки 3-ого положения, выносимого на защиту, опосредованно вытекает то, что автор признаёт соответствующий перечень «экстраординарных» ситуаций исчерпывающим; правда, за скобками остался момент *необходимости* прямой его фиксации в законе).

Абсолютно правомерно диссертант помещает в число потенциальных обладателей права на оспаривание решений доверительного управляющего долями (акциями) и их залогодержателя (с. 98-99), а равно «конечного бенефициара корпорации», к которому, действительно, допустимо использовать легальный термин «лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица» (причём авторская аргументация применительно к данному лицу подкрепляется и иллюстрируется примечательными примерами из новейшей судебной практики) (см. с. 102-104). Адекватными являются соображения по поводу возможности и условий оспаривания решений различных органов «управленцами» (членами совета директоров и т.д.) (с. 108), а также отнесения к числу участников некоторых споров (каталогизированных соискателем на: а) связанные с участием в корпорации, б) вытекающие из «квазикорпоративного» договора, в) не связанные с участием в корпорации) и заинтересованных третьих лиц (с. 109 работы).

В заключительной – *третьей* – главе речь идёт о конкретных основаниях недействительности решений управленческих звеньев корпораций и последствиях такой недействительности.

В первую очередь с должной педантичностью изучаются основания ничтожности юридических актов, представленные в статье 181.5 ГК РФ, положения которой могут быть экстраполированы на решения органов корпораций без каких-либо изъятий и оговорок (при этом достойно поддержано замечание о нецелесообразности планировавшегося включения в «список» оснований ничтожности дополнительных обстоятельств, например, нарушения правил, имеющих целью исключительно или преимущественно защиту публичных интересов, – см. сноску на с. 114). Здесь, помимо прочего, считаем важным поддержать положения о том, что «...при наличии оформленного в письменном виде решения отрицание наличия юридического факта не может быть признано достаточно обоснованным» (с. 118) (данный подход востребован при противоречивом отражении результатов голосования), что для констатации факта нарушения компетенции «...необходимо охарактеризовать *пределы* этой компетенции: является она исключительной либо неисключительной, является ли перечень полномочий открытым или закрытым»² (с. 120), что нормирование вопроса об исключительной компетенции в ст. 65.3 ГК РФ не лишено лингвистических и смысловых погрешностей, нуждающихся в устранении (с. 122-124), что добавочное выделение таких оснований ничтожности, как принятие решения не предусмотренным для данной корпорации органом и нарушение законодательных предписаний при формировании органа, избыточно (с. 125), что многие выработанные для «антисоциальных» сделок признаки (параметры) применимы и к решениям собраний, противным основам правопорядка и нравственности (при этом дополнительное нюансирование с использованием «каучуковых» понятий «добро и зло», «аморальное поведение» и т.п. является ущербным) (с. 127).

Кроме того, импонирует тезис о применимости инструментария ничтожных решений к актам, выражаемым единоличным исполнительным органом и единственным участником (памятуя о невозможности без натяжек признать данные субъекты в качестве гражданско-правовых сообществ) (с. 115-116, 131). Обоснованными, на наш взгляд, являются критические «стрелы» в сторону избранной Верховным Судом РФ трактовки, исходя из которой срок исковой давности для признания недействительным ничтожного решения следует исчислять в порядке аналогии закона по правилам об оспоримости (с. 129) (в самом деле, из закона данный вывод прямо не вытекает, в ГК РФ присутствует указание об общем сроке исковой давности, основания исков имеют принципиальные различия).

² Часто это сделать довольно затруднительно, учитывая известную «громоздкость» при регулировании проблематики предмета ведения высшего органа корпорации в ГК РФ (использование «многоступенчатого» регламентационного подхода, обилие отсылок к другим положениям Кодекса и иных федеральных законов и пр.) и несогласованность между предписаниями ГК РФ и специальных законов, «преодоление» которой «простым путем» (исходя из примата кодификационного акта по отношению к иным правовым актам) иногда невозможно. Подробно об этом мы писали в работе: Поваров Ю.С. Решение общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью: порядок принятия и нотариального удостоверения : Монография. М., 2017. С. 75-77.

Обстоятельному анализу в рецензируемом труде подвергаются основания недействительности оспоримых решений высшего органа корпорации – общего собрания её участников (с. 131 и далее). Первостепенное значение для инвалидации корпоративных актов имеет доказанность нарушения прав и (или) законных интересов заявителя (иногда – самой корпорации), вследствие чего автор высвечивает главные теоретические проблемы в данной сфере – о соотношении субъективного права и законного интереса (в работе замечается о «самостийности», нетождественности приведенных категорий (с. 132-133), что кажется правильным), об объективном и (или) субъективном характере сущности интереса (с позиции В.А. Мусина, с которой мы полностью согласны, при субъективной трактовке интереса затруднительно «...определить границы такого интереса в связи с исключительной индивидуальностью субъективного фактора...» (с. 133)), о содержании интереса участника корпорации и собственно организации (интерес последней, как указывается в работе, следует соотносить с целями её деятельности (см. с. 135), что, наверно, нередко может быть нелёгким делом).

Непреложным для удовлетворения разбираемого иска является и установление факта нарушения правового запрета, по причине чего автор прилагает активные усилия для вдумчивого исследования вопросов:

- об «источниках» таких запретов, принимая в расчёт отсутствие эксплицитных законодательных указаний, причём нередко не корреспондирующих друг другу; диссертант ратует за расширительное толкование, при котором инвалидация возможна и при игнорировании требований, содержащихся в актах федеральных органов исполнительной власти (а не только в правовых актах в смысле положений ст. 3 ГК РФ) (с. 138), а равно в актах локальной регламентации – уставе и даже иных внутренних документах юридического лица (с. 138-139) (последний «нюанс», однако, предполагает, по нашему мнению, непосредственное нормативное закрепление, из чего, по-видимому, исходит и соискатель);

- о контентной составляющей каждого из оснований для оспаривания, поименованного в ст. 181.4 и п. 6 ст. 67.2 ГК РФ, при этом в преломлении к неотъемлемому свойству – существенности нарушения (что, в свою очередь, актуализирует необходимость разработки чётких критериев существенности для всех случаев нарушения закона (с.145), невзирая на их разноплановость); теоретически выверенным и востребованным на практике здесь представляется суждение о том, что «...существенность нарушения закона при принятии решения органом управления ... не имеет *количественного или стоимостного* ... выражения и является не относительно, а абсолютно определенной нормой права...» (с. 144).

Взвешенным (и предполагающим высокий уровень правовой культуры) является отстаиваемый соискателем подход, «...когда суд должен установить не только наличие (отсутствие) формальных нарушений закона, но и оценить действительные цели лиц, ответственных за принятие решений...» (с. 152); его логичным развитием (в рамках обозначенной «системы координат») оказывается авторское пожелание о закреплении в законе «нового» основания для оспаривания – принятия решения с намерением причинить ущерб интересам корпорации и (или) её участников, причём несмотря на наличие общих установлений в ст. 10 ГК РФ (с. 152, 163; 6-ое положение, выносимое на защиту).

Как плодотворные надлежит оценить изыскания касательно «реабилитирующих» обстоятельств (условий оставления оспариваемых решений в силе) (с. 154 и далее), особенно с учётом имеющихся коллизий между ГК РФ и специальными законами о корпорациях (приоритет следует, с точки зрения диссертанта, отдавать специальным правилам – см. с. 157-158); резонным при этом является заключение о целесообразности распространения правил конвалидационной направленности на все корпорации (с. 160) (объективные препятствия для иного подхода вряд ли имеются).

В орбиту внимания диссертанта не могли не попасть и вопросы оспаривания иных коллегиальных управленческих «единиц», а равно единоличного исполнительного органа (с. 163 и далее). Любопытной видится систематизация федеральных законов о корпорациях «по степени проработанности норм об оспаривании решений» (с. 164); здравыми оказываются положения о применимости (либо неприменимости) отдельных оснований относительной недействительности к иным, нежели общее собрание участников, органам (например, «мнимого представительства» или присутствия намерения причинить ущерб интересам корпорации или её участников) (с. 164-165, 177-178), а равно возможности обжалования решений единоличного исполнительного органа при соблюдении некоторых условий, ибо, конечно, «...не каждое фактическое действие (решение) директора будет являться юридическим действием» (с. 167) и «...в своем большинстве единоличный исполнительный орган осуществляет свою деятельность путем совершения действий, а не принятия решений» (с. 169). Большой практический интерес представляет анализ срока на обжалование актов, принимаемых общим собранием и «вторичными» органами, с точки зрения его природы и продолжительности: соискатель высказывается за принципиальную допустимость дифференциации данного темпорального параметра (по заслуживающим одобрения словам автора, «...следует оставить возможность устанавливать *различные* сроки обжалования ... в зависимости от численности возможных участников корпорации, а также с учетом экономических, хозяйственных и социальных связей...» – с. 174) и настаивает (хотя и небеспорно) на ситуативном установлении сущности обсуждаемых сроков (они «...в различных случаях могут быть охарактеризованы и как сроки исковой давности, и как пресекательные сроки» – с. 175).

Научный труд логично замыкается на исследовании последствий недействительности решений органов управления корпораций (с. 180 и далее). Целостность данной части работы придаёт рациональная систематизация названных последствий на публично-правовые и частноправовые, которые, в свою очередь, подразделяются на корпоративно-правовые и иные гражданско-правовые последствия (с. 180). Позитивного восприятия, помимо прочего, заслуживают заявления о том, что судебный «вердикт» о признании решения собрания недействительным является достаточным основанием для внесения в ЕГРЮЛ корректирующей записи (с. 186), что имеются серьёзные поводы для вариативного толкования сделки, совершённой «лжедиректором» (в одних случаях – как недействительной, в других – как заключённой с неуполномоченным лицом с «опорой» на ст. 183 ГК РФ), в ситуации, когда работает принцип публичной достоверности ЕГРЮЛ (с. 196).

Неподдельный интерес представляет изучение различных «сценариев» не применения указанного принципа (недобросовестность контрагента и внесение записи в публичный реестр помимо воли юридического лица) (с. 197 и далее). Склонны присоединиться к выводам автора о том, что принятие решения по вопросу, изначально не отраженному в повестке дня собрания, либо отсутствие обязательного нотариального удостоверения решения собрания сами по себе не являются «индикаторами» отсутствия воли корпорации (с. 201-202) (диагностирование волевой составляющей связано, прежде всего (но не единственно!), с очевидным нарушением правил о кворуме и (или) компетенции – см. с. 213 и др., а также 8-ое положение, выносимое на защиту). Наконец, справедливым видится «увязывание» вопроса о влиянии недействительности акта о «санкционировании» сделки на её юридическую силу с аспектом «рельефности» (внешней и явной выраженности для третьего лица) нарушений разрешительного порядка (с. 211).

«Инспектируемое» диссертационное сочинение, как и почти всякий научный труд, не лишено **дискуссионных моментов и замечаний**. Полагаем важным заострить внимание на следующих положениях.

1. Справедливо обозначая значительную специфику решений органов управления юридического лица в сравнении с актами неправосубъектных гражданско-правовых сообществ (собраний кредиторов, собственников и т.д.) (с. 44-47), диссертант, напомним, заявляет о том, что «...решения органов ... должны быть *обособлены* от других юридических фактов, в том числе ... решений гражданско-правовых сообществ...» (с. 49), и что применение норм гл. 9.1 ГК РФ в настоящее время носит вынужденный характер (автор не отвергает их использование, «...поскольку положения указанной главы восполняют правовой пробел в регулировании ... отношений» (с. 49; также см. 1-ое положение, выносимое на защиту)).

Однако, нельзя не принимать в расчёт и явное сходство названных групп решений во многих аспектах (процедура принятия, правила протоколирования, основания оспаривания и др.). В этой связи неаксиоматичным кажется «радикальное» размежевание норм (отдельно – для каждой группы фактов), в том числе, по причине нецелесообразности «дублирования» законоположений (особенности же решений органов юридического лица могут получить отражение и в «периметре» гл. 9.1 ГК РФ).

2. Несколько противоречиво и поверхностно, как представляется, в работе разбирается понятие компетенции органа юридического лица (с. 24-25), в частности:

а) в компетенцию, наряду с полномочиями, включаются *функции* структурного подразделения (что само по себе «сопротивления» не вызывает), но их авторская содержательная трактовка не раскрывается (в частности, без ответа остаётся вопрос о соотношении функций и предмета ведения органа);

б) указание на то, что «под компетенцией *органа* ... следует понимать совокупность функций и *полномочий*, которыми *он* наделен...» (с. 25), одновременно «соседствует» с заявлением о недопустимости принадлежности прав и обязанностей (которые и составляют, по утверждению автора, полномочия именно *орга-*

на) самому органу, ибо они «...*принадлежат лицам...*», *входящим в орган* (с. 24) (на с. 214 утверждается о распределении между ними полномочий (прав и обязанностей)); симптоматично, что в работе также говорится не о принадлежности, а о *реализации* прав и обязанностей названными лицами (с. 25).

3. Дискуссионной видится авторская установка на отказ ревизионной комиссии считаться органом юридического лица по мотиву неучастия в процессах формирования воли юридического лица (см. с. 29-31). Такой подход:

а) требует весомого обоснования безусловности наличия указанного «волевого» атрибута у *всех* органов юридического лица (а не только у органов управления);

б) диктует необходимость объяснения «нового» статуса ревизионной комиссии (если это не орган юридического лица, то какова его иная сущностная характеристика?).

4. Полностью соглашаясь с актуальностью совершенствования механизмов правового регулирования внутрикорпоративного порядка оспаривания решений, сопряжённого, среди прочего, с определением видов корпораций, в которых может быть реализован данный способ защиты (с. 74), укажем на необходимость пояснения итогового отнесения соискателем (вслед за законодателем) к таким организациям лишь кооперативов и саморегулируемых организаций (с. 81, 217), несмотря на предшествующую критику бессистемности в положениях, регулирующих внесудебный порядок обжалования (с. 70). Кроме того, авторские предложения по совершенствованию законодательства (в общем – весьма привлекательные) не определяют на системной основе надлежащий алгоритм поведения при отмене уже *исполненного* решения.

Указанные замечания вовсе не опровергают общего положительного впечатления от проделанной соискателем работы.

Диссертационный труд написан автором самостоятельно, обладает **внутренним единством**, содержит целый ряд новых научных результатов и положений, выдвигаемых для публичной защиты (при этом даются рекомендации по использованию научных выводов, прежде всего, в законотворчестве), и неоспоримо свидетельствует о **личном творческом вкладе автора в науку** гражданского и предпринимательского права. Предложенные автором решения, имеющие теоретическую и практическую значимость, хорошо аргументированы (обоснованы) и оценены по сравнению с другими известными решениями. Научный аппарат работы – достаточен; диссертация лишена реферативности.

Основные научные **результаты диссертации опубликованы** в 7 научных работах (из них 5 статей содержатся в рецензируемых научных изданиях).

Таким образом, по результатам изучения диссертации (в виде рукописи), автореферата диссертации и опубликованных работ по теме диссертации можно утверждать, что **диссертация** на тему «Недействительность решений органов управления корпораций», являясь научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития науки гражданского и предпринимательского права, и изложены новые научно обоснованные решения и разработки, имеющие существенное значение для законотвор-

чества, в полной мере *соответствует критериям, установленным к кандидатским диссертациям в п. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней* (утв. постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а её автор – *Мосин Владимир Александрович* – *заслуживает присуждения учёной степени кандидата юридических наук* по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Официальный оппонент:

кандидат юридических наук
(по специальности 12.00.03), доцент,
доцент кафедры гражданского и
предпринимательского права
федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королева»
(Самарский университет)
(почтовый адрес организации – 443086, г. Самара,
Московское шоссе, д. 34;
телефон – (846) 335-18-26;
адрес электронной почты – ssau@ssau.ru)

**Поваров
Юрий Сергеевич**

30 августа 2018 года

Подпись <u>Поварова Ю.С.</u> удостоверяю.
Начальник отдела сопровождения деятельности ученых советов Самарского университета
<u>И.П. Васильева</u>
«30» 08 2018 г.

